

ЛИЦО ТЕАТРА

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

«Театр не имеет своего лица» — подобные слова мы слышим нередко, и к ним нечего бывает прибавить. И, наоборот, характеристика: «Это театр со своим лицом» — обнадеживает, вызывает желание познакомиться не с одним, а может быть, со всеми его спектаклями. Чем оно определяется, это самое лицо? Что составляет его черты? Такие вопросы возникали на спектаклях Таганрогского государственного драматического театра имени А. П. Чехова.

Старинный приморский город Таганрог, родина Чехова, богат своими историческими и культурными и собственными театральными традициями. Еще в 1845 году здесь ставили «Горе от ума», запрещенное тогда цензурой. В 1866 году открывается новое здание. На сцене его выступают великие русские и итальянские артисты.

С 1917 года театр становится подлинно народным. На его сцене ставятся «Шторм» и «Пограничники» Билль-Белоцерковского, «Овод» Войнич, «Любовь Яровая» Тренева, «Королевский брадобрей» Луначарского. В 1945 году в труппу вливается богатый дарованиями курс Государственного института театрального искусства, воспитанный В. Белокуровым. В феврале нынешнего года театр отметил свое столетие.

Четыре спектакля показали сейчас таганрожцы в столице. Мы увидели большую группу ярких, разноплановых актеров старшего, среднего и, хотя немногочисленного, молодого поколения. Афиша сообщала об интересном репертуаре.

И все же гастроли показали, что из множества предположений, определяющих лицо театра, в настоящий момент у таганрожцев не ладится, к сожалению, с наименьшей — с режиссурой.

Пьеса Л. Рахманова «Беспокойная старость» стала в ряд классической советской драматургии и потому включение ее в юбилейную афишу правомерно. Однако, несмотря на достоинства пьесы и мнновения подлинной жизни

в игре некоторых артистов, в целом спектакль по своему языку, к сожалению, вторичен. Нет ничего сколько-нибудь индивидуального в режиссерском рисунке В. Цесляка, в декорации С. Канн.

«Последняя инстанция» Н. Матуковского папменована философской драмой. В ней действуют главный конструктор завода, его жена — нейрохирург, «женищина в белом» — его совесть. Пьеса начинается с чудовищного события: конструктор сообщает жене, что их сын, студент юридического факультета, арестован за убийство. Далее из ретроспекций выясняется, что студент убил своего однокурсника, дурного, подлого человека, в аффекте, по мотивам ревности. Повествование заканчивается эпизодом свидания родителей с сыном, которого под свою ответственность привез к ним домой прокурор города — друг семьи. В ходе свидания мать умирает от инфаркта. Как явствует даже из пересказа, в этой явно не лучшей из пьес одаренного драматурга Н. Матуковского немало прямолинейных ходов, психологических натяжек. Остается одна возможность — сгладить их постановкой.

Театр не сумел найти достаточно интересного сценического решения. В декорации основную нагрузку несет на себе огромный экран, вокруг него — полуобъемный, полурисованный интерьер. В начале каждого акта герои, стоя у двух порталов, мелодраматизируют дидактические стихи. Иногда они делают то же, прячась за экраном. В трудное положение постановщик ставит исполнительницу роли Совести Н. Межанскую. Она или укрывается за экраном, бросая на него тени, или возвышается на кубе в позе античной богини. Режиссер Б. Потик словно устраивает для зрителей игру в пинг-понг, заставляя их ловить реплики персонажей, находящихся на максимальном удалении друг от друга. И без того плавный сюжет разыгрывается упрощенно, при помощи старомодных выразительных средств. В последней сцене, например,

жена то и дело хватается за сердце, а потом убегает в соседнюю комнату — умирать.

Всегда приятно, когда гастрольная афиша открывает зрителю новое название. Таким сюрпризом стала «Ривьера» Ф. Моляна. Ее тема — маленький человек в мире собственности. В этой впервые осуществленной на советской сцене венгерской комедии театр обнаруживает стремление к стилистике острой, современной. В спектакле есть и несомненные актерские удачи; прежде всего это — О. Лалин и дебютантка Л. Раскевич.

Декорация Н. Ливады образна, конкретна и деликатна. Рисунок спектакля (постановка М. Панфиловой) интересен и даже перенасыщен пластическими и ритмовыми акцентами. Это порой переходит в режиссерское украшательство — болезнь, распространенную на сегодняшних подмостках.

Пожалуй, наиболее полное представление о творческих возможностях труппы даст «Дядя Ваня», поставленный приглашенными режиссерами: москвичом П. Хомским в содружестве с Ю. Ереминим и главным художником театра Н. Ливадой. Просчеты нетрудно заметить и в этом спектакле, но в целом он открывает нам людей, живущих напряженной духовной жизнью.

Самая большая, на мой взгляд, удача в спектакле — профессор Серебряков. Иногда эта роль тянет актеров на пиродию. Артист В. Гармашов играет не псевдоученого, а человека, убежденного в своей правоте. Серебряков не напыщен, а напротив, предельно контактен, демократичен, не прочь подшутить над собой. Искренна и трепетна Соля (С. Ливада), ее слова, движения и даже молчание полны глубокого смысла. Актриса в исполнении А. Ливанова кажется циником, но за его грубоватостью ощущается человек, озабоченный нравственными проблемами века.

...Приглашение мастеров режиссуры на постановки в разные города — хорошая практика, но она, конечно, не решает проблемы в целом. А проблема вырисовывается с предельной отчетливостью. Режиссуре Таганрогского государственного драматического театра необходимо проявлять неустанную требовательность к себе, чтобы этот интересный жизнеспособный коллектив оставался достойным славных своих традиций.

Ю. МОЧАЛОВ.

1 2 АВГ-1977
А. А. А.
Г. Москва